

ГЛАВА 4.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Идеология Империи

О том, что представляла собой Российская империя в раскладе международных сил, какой идеологический месседж несла она миру, можно получить представление по Высочайшему Манифесту, подписанному Николаем I 14 марта 1848 года. Манифест был ответом на захлестнувшие Европу революции, утверждение на Западе нового секулярного миропорядка.

«Божиею милостию Мы, Николай Первый, Император и Самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всенародно: После благословений долголетнего мира, запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства. Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии и, разливаясь повсеместно с наглостию, возрастающею по мере уступчивости Правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных Нам Империи Австрийской и Королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает, в безумии своем, и Нашей, Богом Нам вверенной России. Но да не будет так! По заветному примеру Православных наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, Мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя себя, будем, в неразрывном союзе с Святою Нашей Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов наших. Мы удостоверены, что всякий Русский, всякий верноподданный

Наш, ответит радостно на призыв своего Государя; что древний наш возглас: за веру, Царя и отечество, и ныне предрекает нам путь к победе: и тогда, в чувствах благоговеющей признательности, как теперь в чувствах святого на него упования, мы все вместе воскликнем: С нами Бог! разумеете языцы и покоряйтесь: яко с нами Бог!»¹ Россия, судя по царскому Манифесту, позиционировалась как полюс сил, защитница традиций православной святости. На ценностном фундаменте противостояния глобальному злу выстраивалась модель имперской государственности. Эта модель соотносилась с православным учением о катехоне — державе, удерживающей мир от окончательного торжества в нем сил зла. Тогда многие в Европе считали, что реализация вызревшего еще в просветительской среде проекта построения секулярного мироустройства невозможно пока существует на востоке Православная Империя.

Проходит семьдесят лет, и казавшаяся незыблемой Империя рушится в несколько дней. Такое обрушение, несмотря на свою скоротечность, не могло быть случайным. Конечно, враги вели против нее борьбу. Но одного этого было бы недостаточно. Русский философ, эмигрант первой войны Иван Ильин по отношению к попыткам конспирологической интерпретации Революции писал в свое время, что видеть в ней «просто результат заговора» — «вульгарный и демагогический подход», «это все равно, что объяснять болезнь злокозненно сговорившимися бактериями и их всесильностью... Бактерии не причина болезни, они только ее возбудители; причина в организме, его слабости»². Чтобы рухнуло имперское здание, нужно было подорвать фундамент, на котором он выстраивался. Фундаментом империй, как государств-цивилизаций являются, прежде всего, ценностные накопления и социальные нормы жизнеустройства. Они были подорваны задолго до семнадцатого года. Попытаемся разобраться, что и как привело к этому подрыву.

За двумя реформационными периодами закреплено в историографии понятие «великие реформы». Первый — реформы Александра II, второй — реформы П. А. Столыпина. Но в чем состоит величие преобразований? Один подход задает критерий величия с позиций универсальной теории прогресса. Великими

¹ Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е. Т. XXIII. Отд. II. № 22087.

² Ильин И. Мировые причины русской революции // Вече. Мюнхен, 1985. № 17. С. 44–45.

в этой постановке являются те реформы, которые соответствуют неким мировым, в действительности западным, практикам. Но ведь сам по себе перенос управленческой практики не обязательно приведет к успеху, а может даже обернуться в других условиях катастрофы. Сила среды часто оказывается весомее силы реформ. Другой подход величия реформ заключается в их оценке по критерию усиления или ослабления жизнеспособности страны. Здесь на первое место выходят уже не внешние рецепты, а собственные цивилизационно-ценностные накопления. Будучи великими, в соответствии с первым подходом, оба реформаторских периода имели подрывное значение при рассмотрении их через призму второго подхода.